

В. Г. Болдырев и его воспоминания.

За последние годы русская литература обогатилась многочисленными и даже многотомными «воспоминаниями» и «мемуарами», посвященными мировой войне и обеим революциям. В этом отношении особенно богат вклад, сделанный белой эмиграцией и вообще деятелями контр-революционного лагеря. Вынырнувшие октябрьским переворотом за пределы нашей Республики и оставшись не у дел, они на досуге занялись литературой. Не будет большим преувеличением, если скажем, что например ли имеется еще какой-нибудь видный активный деятель контр-революции, не говоря уже о многочисленных пассивных зрителях, пользовавшихся «весом» и занимавших «появление» в буржуазном обществе, который не употребил бы свой вольный и, большей частью, невопытный досуг для того, чтобы поделиться своими грустными воспоминаниями, личными наблюдениями и тоскливыми переживаниями за годы империалистической и, особенно, за годы гражданской войны. Это сделали уже и по сию пору продолжают делать, повторяясь, не только такие крупные фигуры, как Деникин, Лукомский и др., но и фигуры более мелкие и даже совсем второстепенные,—так сказать, мелкие сошки контр-революции.

Как ни богата эта мемуарная литература, но Сибири она пока что уделила сравнительно мало внимания.

Рассеянные же в разных журналах статьи мемуарного характера, а также брошюры, которые посвящены Сибири, обычно затрагивают только отдельные моменты или эпизоды из истории революции или контр-революции в Сибири.

Мемуаров же, которые охватывали бы сибирскую эпоху в целом, или, во крайней мере, давали бы последовательное изложение отдельных законченных этапов этой эпохи, пока что выпутило мало: один, два, три—и обессел. Да и те, которые известны нам, ограничиваются, главным образом, эпокой колчаковщины и совершенно почти не касаются тех событий, которые развертывались на Дальнем Востоке после гибели Колчака.

Все эти воспоминания и мемуары, представляя большой интерес по тем документам, которые они приводят, и по тем характеристикам, которые в них встречаются, носят на себе явные следы глубокой вражды и ненависти к советской власти. В своих литературных трудах эти политические и поэтические неудачники стараются в первую очередь обелить себя от всех содеянных ими мерзостей и подлостей и всю вину в неуспехе и неудачах контр-революции свалить на плечи других, обычно, на соперни-

ков из своего же стана, затем на интервью, которой они же сами открыли двери России, и, главным образом, на неблагоприятные обстоятельства и случайные обстоятельства. Читая эти книги, можно думать, что успеху Советской России сопутствовали одни лишь благоприятные условия. Как будто Советская Россия не голодала и не холода, и не ссыпалась железными кольцами блокады.

Вскрывая, изобличая и, порой, откровенно обнажая в своих воспоминаниях все недостатки, промахи и истинную подоплеку красного патриотизма, правильнее сказать, личные шкурные интересы и карьеризм своих товарищей—соперников по оружию и идеи, наши авторы обычно глубоко-выспленно умалчивают о своих грехах и преступлениях «перед горячо любящей родиной и народом», всегда выставляя себя, как подвижников и страстотерпцев, а своих преланных соратников, как лиц бескорыстных и побежденных.

Нельзя сказать, чтобы воспоминания и дневник В. Г. Бодырева были совершенно свободны от всех этих недостатков. И в воспоминаниях Бодырева встречается много досадных неточностей и не менее досадных непониманий. И он кое-о-чем умалчивает. Это бросается в глаза каждому инициативному читателю. Особенно постречат досадные недоговоренности второй часть, посвященная Японии. «Страха ради нудейская», или по какой-нибудь другой причине, автор слишком схематически передает свои разговоры с лицами, с которыми встречался, и многие из этих разговоров совершенно замалчиваются. Ценность этой части книги заключается, главным образом, в том, что здесь Бодырев дает много бытовых картин из жизни Японии и ее армии. Бодырев видел много такого, что недоступно для обычного туриста.

Что же касается книги в целом, то прежде всего следует отметить, что главную ее часть составляет дневник—записи, которые, автор чуть ли не ежедневно делал для себя. Эта часть книги носит поэтому характер документа.

Ценность этих записей—неравнению от того, насколько они точны и объективны—усугубляется еще тем, что они делались не случайным любознательным обывателем, а человеком, принимавшим активное участие и даже игравшим крупную роль в тех событиях, которые он с усердием летописца заносил в свой дневник.

Эти воспоминания интересны, во-вторых, и потому, что знакомят с историей возникновения, жизни, чтобы не сказать—прославления, и смерти Директории и, кроме того, ко всему уже давно известному прибавляют еще несколько ярких и характерных фактов, способных пролить больший свет на то, при каких обстоятельствах и каким именно образом Колчак сел на диктаторский трон. Читая эти страницы, ни в коем случае, однако, не следует забывать, что оценку Директории дает один из ее основателей, человек, принявший в Союзу «Возрождение России», равно не следует забывать и того, что о Колчаке пишет неудачный соперник.

Наибольшего внимания заслуживает, конечно, третья часть книги, охватывающая события, которые разыгрывались на территории Дальнего Востока за период с начала 1920 по конец 1922 г. До сих пор никто еще не изложил событий этих двух лет на Дальнем Востоке в их исто-

рической последовательности. Этот пробел до некоторой степени заполненется книгой Болдырева, который в этих событиях принимал активное участие. В изложении этих событий также попадается много неточностей, что, однако, не умаляет значения книги.

Книга в целом дает наил некоторое представление о том, в силу чего и под влиянием каких причин Болдырев, по примеру многих других бывших царских генералов, в конце концов ориентировался на советскую власть. Не забудем также, что Болдырев был тем именно спасительным генералом, на которого урало-сибирская контр-революция возлагала все надежды, в расчете, что ему удастся вооруженной рукой свергнуть советскую власть.

Лады читатель получил полное представление о Болдыреве, не лишним считаем привести некоторые его биографические данные.

Болдырев родился в апреле 1875 г. в гор. Сызрань в семье крестьянина. Отец занимался кузнечным ремеслом, а мать владела небольшими кирпичными сараями. С детских лет Болдырев помогал отцу в кузнице, а матери — на кирпичном сарае. Свое первоначальное образование он получил в приходской, а затем в четырехклассной городской школе, при чем канонизированное время обычно проводил за работой в кузнице в качестве монотабойца. На 15-ом году своей жизни Болдырев поехал в Пензу, где поступил в землемерное училище (среднее учебное заведение), которое отлично окончил в 1893 г. Скотив немного денег, Болдырев поехал в Ленинград, где одним из первых слал конкурсный эссе для поступления в военно-топографическое училище, по окончании которого подпоручиком корпуса военных топографов отбывал шестимесячное цесаревое проакомандированье к лейб-гвардейскому гренадерскому полку. Проведши три года на государственных военно-топографических съемках в Эстляндии и Лифляндии и отбывши полуторагодичный строевой ценз в бывшем Красноварском полку в г. Юрьеве (бывшей Лифляндской губ.), он поступает, после конкурсного экзамена, в Академию генерального штаба, которую окончил по I разряду в 1903 г. К этому времени разыгралась русско-японская война, и его в качестве офицера генштаба отправили в Манчжурию. В блестящем штурме Новогородской (Путинской) копки на р. Шахе, штурме, закончившемся победой, кстати сказать, единственной крупной победой за всю войну, Болдырев был ранен в ногу. Оправившись от полученной раны, Болдырев вернулся на фронт, где пробыл до конца войны.

В 1911 году Болдырев получил приглашение читать лекции в Академии генерального штаба. Защитив диссертацию, он в мае 1914 г. получил звание профессора той же академии. Но уже в июле 1914 г., во времена империалистической войны, он отправился в поход в роли начальника штаба 2-ой гвардейской пехотной дивизии.

Бой под Ивангородом принес ему георгиевское оружие. Борьба против сбывающихся крахов Осовец нечаянно дала ему георгиевский крест.

Пробыв год в чине полковника, Болдырев за бои у Красники и особенно за разгром, небольшой сравнительно частью, целого австро-венгерского корпуса получил чин генерал-майора.

Затем он был генералом для поручений при командующем 4 армией, а с августа 1916 г. принял весьма ответственную должность генерал-квартир-

мейстера штаба северского фронта. На этом посту, который для Болдырева возможность принести в тесное соприкосновение с обще-политическими кругами и настроениями правящих петроградских кругов, его и застигла Февральская революция. Добавим еще, что отречение Николая II совершилось на глазах у Болдырева и у него же в первое время хранился самый акт об отречении.

Болдырен написал также ряд научных военных трудов; как-то: «Бои на Шахе», «Автомобиль и его техническое применение», «Тактическое применение прожектора», «Атика укрепленных позиций» и др.

Эти краткие биографические данные показывают, что в лице Болдырева пред нами не тот типичный царский генерал, который вышел в люди, юбок чинов и орденов и достиг высокого положения, благодаря своему дворянскому происхождению, вследствие содействия влиятельной родни или таких власть имущих лиц, как Распутин. Как-никак, но в лице Болдырева перед нами—сейчас, правда, бывший—царский генерал, вышедший из пролетарских рядов. Не думаем, чтобы царская армия числила в своих рядах иных таких генералов. Недожинными же способностями и исключительными военными знаниями должен был обладать этот выходец из пролетариев, которому в царское время удалось пробить себе дорогу и, непреки кастовым предрассудкам высшего русского военного офицерства, занять одну из верхних ступеней военной иерархической лестницы. И уж, во всяком случае, слишком должен был лекционироваться этот пролетарий, если ему удалось заслужить подобное царское доверие. Правда, среди преподавателей академии генштаба Болдырея, как нас уверяют, слыл «демократом», но этот демократизм был столь эфемерного свойства, что он, с одной стороны, не выносил к себе никакого и нечестного подозрения, а, с другой стороны—никогда не испытал Болдырену служить царю верой и правдой, тем более, что только такой службой можно было обеспечить себе карьеру, а делал эту карьеру Болдырен, как мы видели, с головокружительной быстротой. И понятно, что первые дни Февральской революции, когда окончательно еще не было известно, «чья возьмет», Болдырев, как и все прочие генералы Ставки, принимал деятельное участие в охране царя.

Когда-же Февральская революция стала совершившимся фактом, то Болдырев сделал сдвиг в сторону демократизма, но это был «сдвиг «люстерьку»—поскольку». Его демократизм тем более не мог мириться с теми начальниками, которые прошагглииены были Октябрьской революцией, ибо эта революция сводила на нет все то, ради чего и во имя чего жил и работал наш бывший царский генерал. И Болдырев поэтому уходит в лагерь контр-революционеров, чтобы вести борьбу с «захватчиками» заключенной власти.

Перед ним два пути: на юг—к Алексееву, Корнилову и Деникину или на Урал—к эсерам. На юге прудует военачальник, стремящийся к подавнейшей реставрации, а на Урале—«демократия». Болдырен пошел на Урал. Туда—стремится он уверить нас—его вложила блоковая его сердцу демократия. Так ли это? Кто инициативно будет читать дневники, тот легко заметит, что демократия здесь не при чем, а «умысел иной тут был». На юге, где оружием генералы, имена которых были известны всей России, Болдырену нечего было де-

дить. Надо было сматывать Урал с югом. И вполне понятно, если Бодырев опирался на Урал, тем более, что зёры нуждались в генерале-«демократе».

Зёры, нуждавшиеся в человеке, который бы организовал их военные силы, конечно, ухватились за Бодырева, и он пошел работать вместе с ними, хотя прискорбно относили к Комучу и не верил в спасительную мощь Учредительного Собрания. Отдельные выражения, прорывавшиеся в знанике, прямо указывают на то, что Бодырев собирался на Урале действовать в полной контакте с генералами армии. Во всяком случае слишком патетически и газообразен был налет демократизма, которым Бодырев так очаровал своих друзей—зёров. Замашки царского генерала так и прорвались у него наружу. Он не только готов, но «слечом демократ», применять на фронте «урочные меры до расстрела исключительно против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций», что, широкем, может быть, до некоторой степени оправдано условиями военного времени, но он также не прочь жестоко расправляться с железнодорожными стачечниками, требующими повышения заработной платы. Когда же привес открыли путь против Сиб. Обл. Дуны, то вместе с ними выступал против зёров и Бодырев, и при его содействии было ликвидировано единственное уцелевшее в Сибири представительное учреждение, считавшееся демократическим.

В своей книге Бодырев пишет настоящий гимн Директории, перечислив все ее демократические доблести и заслуги. С чувством глубокой горечи вспоминает он гибель Директории, которая не устояла против написка прыхных группировок и бесславно окончила свой жизненный путь, не будучи поддержанна массами. Слишком поздно вспоминал она «демократ» о массах. Тогда же, когда он стоял у власти, то о массах не думал. И не значит он того, что массы, разбужденные Октябрьской революцией, не могли принять «живое участие» в борьбе за Директорию, которая строилась царскими генералами и атаманами и проклещинами капитала. А сейчас Бодыреву только и остается, что в упомянутие себе занести в книгу: «Директория—небольшое звено в общем ходе событий, и раз они существовали—значит, она была необходима и целесобойствена». Её место в истории, как бы скромно оно не было, привиделось только ей.

Директория, несомненно, займет свое «скромное» место в истории, но только, как курьезная попытка группы безответственных, беспечевых и слабомысленных политических авантюристов подчинить себе, под массой демократизма, народные массы, решившим сбросить с себя оковы политического гнета и экономического рабства.

Если же Директория действительно была «необходима и целесобойствена», так разве постольку, поскольку она прокладывала дорогу к диктаторскому труму, к единоличной власти. Ведь если бы своему времени не поднял Колчак, то это место при той обстановке, которая тогда создавалась, несомненно, занял бы другой.

И напрасно Бодырев обвиняет Колчака в узурпаторстве, ведь Колчак только предвосхитил самого Бодырева.

«Кабинет министров»—проскальзывает несомненно хорошо осведомленный Сахаров,—признал необходимость и своевременность «замены Директории единоличной военной властью» и обратился к генералу Бодыреву, как к верховному глашакоиздунцу, с предложением взять подконтроль всей власти на себя. Бодырев согласился с мотивами и жизненной необходимости такой замены, но отказался ее осуществлять, ссылаясь на несвоеподобность»*).

Своевременность же Бодырева проявила и оказалась, поэтому, выплынувшим за борт более ложки и находчивым адмиралом.

Не изм., конечно, об этом жалеть. Немножко проиграли мы, как и немножко выиграли бы от того, если бы сибирский трон достался Бодыреву.

Что особенно бросается в глаза, так это та легкость, с которой Бодырев слал послания Колчаку. Энергичный и предприимчивый по воле с японцами и немцами, Бодырев другого попал в состояние такой простирации, что оказался совершенно безинициативным и нерешительным. «Гражданское мужество и решительность военных властей (в гражданской, надо понять, обстановке. В. В.) всегда оказывались — глубокомысленно поучает нас Бодырев—ниже их профессионального боевого мужества на внешнем фронте». И запотешенный было приказ армии о походе против защитника Колчака так и остался лежать под сукном. «Суждены нам близкие поражения!» Это Бодырев старался укротить Колчака склонами, юнтыми из-под краката из прошала засорской фразеологии.

Как будто боевой генерал, не раз покавший порох, не мог знать, что одни спасибо в таких случаях не действуют. И хотя Бодырев склон обстоятельств вынужден был покориться со своим положением, но в душе своей—что, нарочем, проскальзывает и в дневнике, и о чем свидетельствуют многие документы—не раз сожалел, что прошел недобрый момент и дал так глупо обойти себя. Ведь, «счастье было так возможно, так близко». И это «счастье» он, бесспорно, хотел себе вернуть.

Заехав во Владивосток, он немедленно же начал зонировать, насколько спорят почта и начинают благоприятно склоняться обстоятельства к тому, чтобы удачно свергнуть Колчака. И не напрасно Бодырев избрал для своего отдыха Японию. Где было искать поддержку против Колчака, как не в Японии.

Чем Бодырев похвастать не может, так это последовательностью в словах и действиях. Бодырев все время старается уверить нас, что был пригол интервью, а в действительности он все плани для борьбы с большевиками строил на интервью и на него же возлагал все надежды. И поступил он так даже тогда, когда жил в Японии, когда, следовательно, был не у зла. Именно тогда он написал известную записку—«Краткие соображения по вопросу о борьбе с большевизмом», которая была передана представителям союзных держав.

*1) См. книгу К. В. Сахарова—«Белая Сибирь», Монхен, 1925 г. Стр. 21. Сахаров, заметим, незадолго до падения Колчака, был глашакоиздуном его армии.

Указав в этой записке, что «несогласованность действий (союзников, В. В.) способствует прочности большевизма, облегчает его пропаганду и переносит заряду злобы за предела России», напомнив, что «большевизм—морское зло» и что поэтому «борьба с большевиками является борьбой за сохранение культуры, борьбой цивилизации против картизма и разрушения». Болдырев выражает союзникам, что борьба с большевиками «является общим делом всех культурных стран», а потому все они должны объединиться для этой борьбы.

Болдырев выработал даже план этой борьбы.

«Нужны—говорят он—союзнические силы, готовые в крайнем случае и для нанесения решительного удара вооруженным силам большевиков. Силы эти могли бы быть организованы а) для действия совместно с добровольческой армией ген. Деникина с юга России и б) со стороны Сибири с сибирскими войсками».

«Силами Японии — советует Болдырев—нечеловечно приступить к организации и переброске в Сибирь 150-200 тысяч армии, из коих—100 тысяч на Уральский фронт, а остальные—для поддержания порядка внутри Сибири и на железной дороге» (курсив наш. В. В.).

«Предложить остальным союзникам—рекомендует Болдырев—оказать немедленную денежную помощь Японии и снабжать ее необходимыми материальными и техническими средствами».

«Ближайшая очередная задача—окладение линий реки Волги».

Такие и тому подобные советы давал союзникам «яруг» интервенции—Болдырев, одновременно работая над достижением японско-колчаковского соглашения, хотя Колчак ни это никаких полноочтных ему не давал. Обо всем этом Болдырев предупредительно уведомил Колчака письмом. И характерно, что получившим откликом остался Колчак на это письмо.

Полнейшую непоследовательность проявил Болдырев и в своих отношениях к чехо-словацам. Он неизвестил их ни словах,—а, ведь, было бы за что ненавидеть их,—ни на деле он не прости, был при случае и инициатором использовать для своих надобностей. Да если бы случайные обстоятельства не помешали, то Болдырев выступил бы против Колчака в одной и той же организации, которая обединила и другого соперника Колчака—Гайду, того Гайду, которого Болдырев в своих мемуарах на каждом шагу третирует ей *canaille*.

Сохранявшиеся документы свидетельствуют о том, что Болдырев одновременно вел игру на разные стороны, дабы симметрично пристать к той, которая одержит верх.

Он находится в переписке с Чайковским, Авксентьевым и Брешковской, и в то же время поддерживает связи с крайними правами.

«Ваша шансы растут тоже у правых».—сказал Болдыреву один приятель, и Болдырев с явно-искусственной проницай завесит эти слова в свой дневник.

Чего проще? Еще в сентябре-октябре 1919 г. он засыпает с однотипиками, собирающимися нарыть ящик у Колчака, и в ноябре он преды-

гает японец Колчаковскому правительству. Более подробное описание этих фактов читатель найдет в тексте и особенно в примечаниях.

Эпоку колчаковщины Бодырев прожил в Японии. Разгром Колчака и крушение интервенции дали ему возможность оценить происходящие события более правильно. В январе 1920 года он вернулся в Россию.

Дальнейшая деятельность Бодырева вполне отчетливо выявлена и подробно изложена в самой книге. Мы, поэтому, на этой деятельности здесь останавливаться не будем. Свои соображения и дополнения мы высказываем и сделаем в примечаниях. Здесь отметим только, что тесное соприкосновение и более близкое ознакомление с положением советской власти и ее замыслами побудили, наконец, и Бодырева «сменить вехи», и уже на Дальнем Востоке ему удалось некоторыми поступками доказать, что он растворился с прошлым и ориентируется на советскую власть.

26 октября 1922 г. красные войска, предводительствуемые Уборевичем, заняли Владивосток. Бодырев не эмигрировал, а остался в городе и решил передаться власти, чтобы держать ответ за свои прошлые преступления против советской власти.

Мотивирует он это свое решение следующими предусмотрительными словами: «Обстановка, создавшаяся на Западе Европы, допускающая возможность всяких осложнений, включительно до вооруженных выступлений из-за (курсия автора) против России, подсказывала мне, что в今后ющей возникнуть борьбе мое место только здесь, среди своего народа».

«Ничто—нущает он нам несколько позже—никогда не досаждало моему мысли о родине и работе в своей стране».

«Родина!.. Родина!.. Нерешительный в действиях, наш боевой генерал проявил и некоторую чрезмерную осторожность в словах. Куда решительнее и прямее он высказался немного времени спустя.

На Новониколаевского местечке, куда перенесли Бодырева, он 22 июня 1923 г. обратился во ВЧИК со следующим заявлением:

«Отойдя к середине июня 1922 г. от всякой политической и общественной работы и откинув мысль об эмиграции заграницу, я, после занятия города Владивостока войсками Красной армии в конце октября 1922 г., как бывший профессор и член конференции юридической академии, готовился к отъезду в Москву вместе с наличными, бывшими во Владивостоке, состоянием профессуры и имуществом академии. Отъезд этот должен был быть выполнен в срочном порядке, согласно телеграммы Наркома по инонным делам т. Троцкого. Тем не менее, поездка не осуществилась 5 ноября, по распоряжению личного ГПУ, я был арестован».

Наложив затем довольно подробно свою военную и политическую деятельность за все время революции и гражданской войны в России, Сибири и на Дальнем Востоке, В. Бодырев заканчивает свое заявление так:

«Виновательный пиджик переключая пятнадцать лет революции принес меня к убеждению:

1) что за весь этот период только советская власть оказалась способной к организационной работе и государственному строительству среди

хозяи и антихи, спасших разорительной Европейской, а затем внутренней гражданской войнами, и в то же время оказались властью твердой и устойчивой, опирающейся на рабоче-крестьянское большинство страны;

2) что всякая борьба против Советской власти является безусловно временной, ведущей лишь к новым испытаниям, дальнейшему экономическому разрыванию, возможному внешнегосударственному иностранцев и потере всех революционных достижений трудового населения;

3) что всякое вооруженное восстание известь за Советскую власть, как единственную власть, представляющую современную Россию и выражющую интересы рабочих и крестьян, является восстанием на права и достоинства граждан Республики, почему защиту СССР считаю своей обязанностью».

В связи с изложенным, не считая себя прагом СССР и желаю принять посильное участие в новой ее строительстве, я ходатайствую (и по рядке применения амнистии) о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения. Если бы представилось возможноим, и был бы разновременно посыпаньть себя моей прежней профессорской деятельности».

Однокременно В. Бодырев обратился к Наркому по военным делам со следующим заявлением:

«22-го июня с. г. мнено возбуждено ходатайство перед ВЦИК о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения после ареста в г. Владивостоке 5 ноября 1922 г.; вместе с тем мнено заявлено желание, если в том встретится потребность, предоставить мне, в случае моего освобождения, возможность приложить свои силы к строительству СССР.

Будучи до империалистической войны в составе профессоров Военной Академии (Ген. Штаба), ходатайствую о предоставлении мне возможности иновь посыпить себя моей прежней профессорской деятельностью».

ВЦИК ходатайство В. Бодырева удовлетворил. В порядке амнистии В. Бодырев был освобожден из заключения, и дело о нем прекращено. В настоящее время В. Бодырев работает в сибирской плановой комиссии.

Нам остается еще сказать несколько слов о том, в каком виде автор публикует в настоящей книге свой дневник.

В своем небольшом предисловии автор, между прочим, говорит: «Я оставил записи дневника в неизменном виде, за исключением редакционных поправок и тех дополнений, без которых запись явилась бы непонятным из краткой, почти условной, редакции дневника».

Выпущенено то, что носит исключительно личный характер, или то, что не имеет широкого политического или общественного значения».

Дневник, по-нашему мнению, имеет историческую ценность постольку, поскольку он печатается по первоначальной, неизмененной записи. Тем не менее мы бы согласились с автором, если бы его редакционные поправки действительно воссоздали тот характер, о котором он говорит в своем предисловии к своей книге.

При проверке же дневника, сделанного в печать, с той точной копией с подлинника, которая находится у пишущего эти строки, оказалось, что местами редакционные поправки автора придают сейчас совсем другой оттенок действительной записи. Мы сочли поэтому своей обязанностью в примечаниях восстановить точную запись тех отдельных мест, истинный смысл которых, по нашему мнению, немножко пострадал от редакционной руки самого автора.

Сожалеем только о том, что лишены возможности проверить по подлиннику весь дневник, ибо в нашем распоряжении имеются только записи с 3 октября 1918 г. по 4 окт. 1919 г. исключительно и часть записей, относящихся к 1920—21 годам.

В заключение отметим, что все примечания, которые приведены в книге под текстом страницы, принадлежат самому В. Г. Болтыреву.

Мои же примечания собраны в конце книги.

В. Бегман.
